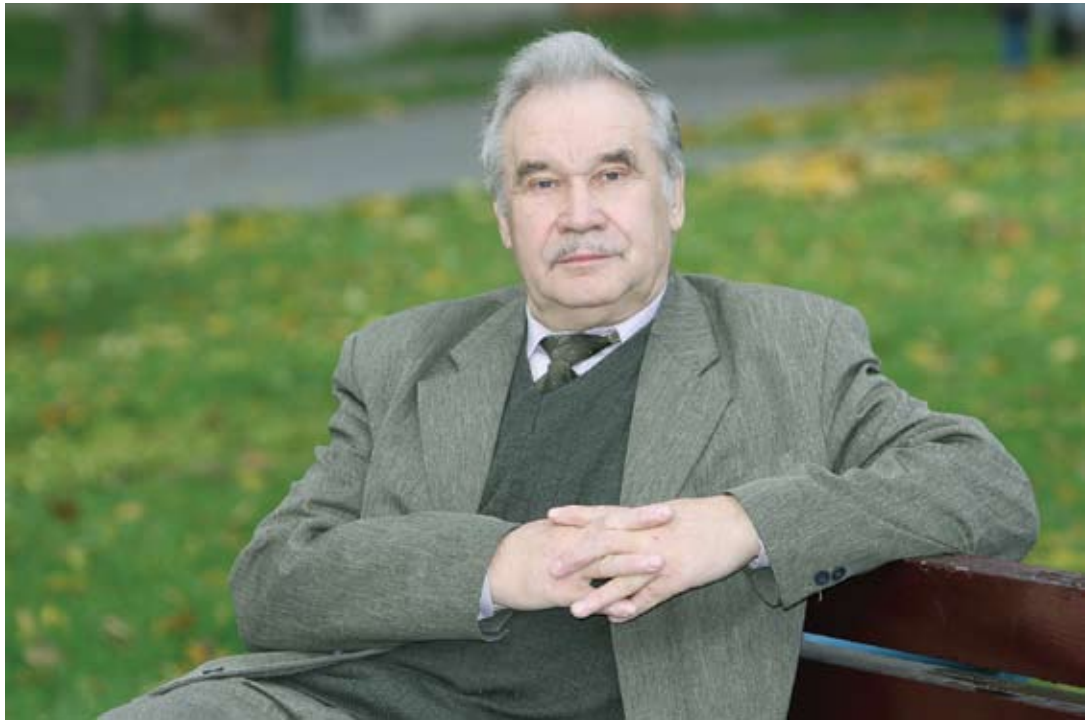

НОМО CONSUMENS: ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНОГО ВАКУУМА

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
(Начало в № 10)

Чеслав КИРВЕЛЬ,
доктор философских
наук, профессор
(Гродно)

Куда движется прогресс? Увы, от «удобства управления» – к фундаментальному сбою социальной эволюции. Глобализм породил идею о возможности нового типа власти и практику ее осуществления. Но современная информационная техника, создавая новые возможности для усиления господства глобалистских структур и в целом властных элит, ставит под угрозу не только свободу людей, но и само выживание человечества. Если и в самом деле прогресс в управлении обществом будет и дальше достигаться за счет качественной деформации человеческого «материала», девальвации человеческой личности, то нам не избежать тупика эволюции, сбая, угрожающего бытию человечества как целого [2. С. 26]. И речь уже должна идти об антропологическом мегакризисе. Вирусы потребительства ведут человека потребляющего все дальше, в никуда...

«ПРЯНИКИ» ТЕХНОКРАТИИ

Проблема здесь в том, что нормальная эволюция усложняющегося мира объективно предъявляет все более возрастающие требования к развитию интеллекта, воли, творческих способностей человека, то есть к развитию тех личностных качеств, которые форсированно разрушаются современной массовой культурой, агрессивной, навязчивой и вездесущей рекламой. Человек, кото-

рому внушают, что главной целью его существования является бесконечное повышение комфорта его жизни, вряд ли сможет дать ответы на жесткие вызовы современности, вряд ли окажется способным к преемственности и продолжению социальной эволюции.

Не удивительно поэтому, что сегодня исследователи все чаще обращают внимание на характерное для постиндустриального общества трагическое противоречие между потребительской направленностью массового сознания, этикой гедонизма, всячески поощряемых

Чеслав КИРВЕЛЬ

рекламными технологиями, и личностными качествами человека, которые требуются для дальнейшего научно-технического прогресса. Как показал А. С. Панарин в своей блестящей книге «Искушение глобализмом», техногенное развитие питается аскезой – и убивает ее. «Основной парадокс модерна состоит в том, что его достижения нельзя удержать без напряжения нравственной воли, зачисляемой в разряд «пережитков». Как только подобная воля слабеет, сменяясь гедонистической направленностью, проекты модернизации... повисают в воздухе – ибо и для экономических инвестиций, и для мобилизации личных усилий, необходимых в процессе овладения знаниями, требуется известный минимум аскетического усердия» [1. С. 375]. Западный исследователь Д. Белл также видел главное противоречие постиндустриального общества в конфликте между технократически регулируемы экономическими и социальными структурами и гедонистически ориентированной этикой поведения современных людей. При этом необходимо иметь в виду, что физическая изнеженность – это лишь первое следствие технологизации общества. Второе следствие – волевая, морально-психологическая и умственная изнеженность (леность духа), проявляющиеся в безответственности, равнодушии и безалаберности. В результате глобальная личность, детище техногенно-потребностной цивилизации, становится чуждой и враждебной ей силой, не способной далее обеспечивать ее поступательное развитие. Налицо – тупиковость пути. Кроме того, надо иметь в виду, что «пряников» на нашей грешной земле никогда на всех не хватало. Не хватает их сейчас, не будет хватать и в будущем. Поэтому необходимым условием существования глобальной личности, ориентированной на изнеженность и комфорт, становится жесткое разделение населения планеты на две неравные части: «избранное меньшинство» и «отвергнутое большинство». Нетрудно заметить, что такого рода стратегия мироустройства является деструктивной и трагически опасной.

В реальности только общество, состоящее из индивидуальностей, способно к совершенствованию и более устойчивому развитию.

Именно гетерогенность человечества, его дифференцированность по интеллекту и другим качествам обеспечивают его выживаемость, являются объективной основой для специализации людей по роду и направлению занятий, помогают им приспособляться к самому широкому диапазону требований развития. Унификация же стиля и образа жизни, стереотипизация мышления и стандартизация оценок посредством СМИ делают человека не способным к адекватной реакции на эти требования развития. Споры нет, для бесперебойного функционирования и преуспевания транснациональных корпораций весьма желательно и удобно именно унифицированное рыночное пространство, а также наступление «века толп», для которых наиболее приемлемым является инфантильно-потребительский образ жизни. В обстоятельствах абсолютного преобладания обезличенно нивелированных людей-автоматов, легко ориентируемых на приобретение самых разнообразных товаров – от жевательных резинок до примитивных масскультовых сериалов, – транснациональным корпорациям обеспечено прогнозируемое будущее.

Но как же быть тогда с перспективами развития рода человеческого?

Депопуляция, изменение этнического состава западных стран, отказ от национальной государственности – «все это лишь вершина айсберга, внешнее проявление фундаментальных причин кризиса, лежащих в духовно-идентификационных основах западной цивилизации, в самой иерархии ценностей Запада», – пишет российский исследователь Н. Г. Козин в своей статье «Есть ли будущее у Запада?» [3. С. 199].

Запад уже давно совершил «подмену пафоса святых на банальность интереса» [3. С. 199], растворил свои духовные и культурные архетипы в «культуре туловища» (то есть бессмысленного тела) и культе слепых страстей, в бездуховной этике безудержного гедонизма. Поэтому его сегодняшнее демографическое неблагополучие нельзя истолковать иначе как результат духовного вырождения. «Это культура не жизни, а смерти, ибо она не дает объяснения, ради чего и как жить, замыкая человеческое бытие в границах профанных смыслов – в пространстве того, что можно купить и чем можно насладиться. Запад уходит от поиска трансцендентных смыслов бытия, от стремления реализовать себя за пределами данных

НАША СПРАВКА

КИРВЕЛЬ

Чеслав Станиславович.

Заведующий кафедрой философии Гродненского государственного университета им. Я. Купалы, доктор философских наук, профессор. Родился в 1945 году в д. Мякиши Щучинского района Гродненской области. Окончил Ленинградский государственный университет им. А. Жданова. Затем обучался в аспирантуре, работал в политехническом институте г. Комсомольска-на-Амуре. С 1980 года – в Гродненском университете на должностях доцента, заведующего кафедрой марксистско-ленинской философии. В 1990 году защитил докторскую диссертацию, в 1992-м ему присвоено звание профессора. Ч. С. Кирвель опубликовал более 120 научных работ.

современному человеку возможностей. Он уходит все дальше от основ локальности своей цивилизации, не столько модернизируя, сколько преодолевая свои христианские архетипы. Во всех этих процессах такие специфические черты западной цивилизации, как индивидуализм, личная свобода и предприимчивость, социальный плюрализм и мобильность, в свое время являвшиеся средством возвышения и динамичного развития, в изменившихся исторических условиях становятся источником цивилизационного упадка, потери пассионарной мощи западного духа» [З. С. 200].

Вот чем оборачиваются «пряники» западной безудержной цивилизации. И ее гримасы можно уже увидеть и в окружающем нас мире. Беларусь живет на западном рубеже, что весьма опасно. Тем полезнее для нас узнать: в чем конкретно заключается главная пружина и каков механизм развертывания кризиса западноевропейской цивилизации?

КРИЗИС ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Известно, что буржуазное общество обнаружило в своем развитии тенденцию к тотальному господству эквивалентного стоимостного обмена, к проникновению во все поры своей жизнедеятельности контрактно-рыночных отношений. Многие находят эту тенденцию вполне естественной, оправданной и прогрессивной. С их точки зрения, рынок – это один из главных, если не самый главный, фактор социальной динамики. Но так ли это?

Могут ли социальные отношения быть целиком основаны на контракте, на гарантиях рыночного обмена? Или эта тенденция угрожает в своем логическом завершении завести и человечество в безысходный тупик?

Не приведет ли полное торжество рыночного обмена к деградации, к вырождению и гибели рода человеческого?

Наиболее чуткие исследователи буржуазного миропорядка неоднократно высказывали опасения относительно способности образа жизни длительно воспроизводиться и действовать на своей собственной социокультурной и нравственной основе. С их точки зрения, контрактно-рыночная организация

социальных и индивидуально-человеческих связей по многим показателям находится в антагонистическом отношении к системе духовного, интеллектуального развития человека. Это обстоятельство было замечено еще в XIX веке европейскими романтиками и многими теоретиками социализма (в том числе Марксом): враждебность капитализма с его экспансией потребительства некоторым формам духовного производства, к числу которых наряду с искусством и литературой могут быть отнесены и фундаментальная наука, и система академического образования.

Сегодня многие обществоведы выдвигают положение, согласно которому капитализм обязан своей устойчивостью и эффективностью до- и внекапиталистическим предпосылкам истории, морали и культуры. Сначала такими предпосылками выступали социальные институты, исторически предшествующие капитализму, например просвещенные монархии, курирующие университетское образование. Затем, со второй половины XIX века, – институты, сформировавшиеся в логике «посткапитализма» и возникшие на гребне антибуржуазных революций и реформаторского движения; в частности, здесь речь можно вести о новом социальном государстве, компенсирующем социальную близорукость «чистого рынка».

В самом деле тотальное господство «чистого рынка» означало бы в моральном отношении полную метаморфозу человеческих норм поведения и ценностей, сформировавшихся в течение длинного ряда тысячелетий. В действительности это означало бы отказ от самих понятий социального долга, ответственности, любви, сострадательности, сопричастности и в целом всякой бескорыстности: ешь, пей, веселись! И как ни странно, именно к этому и призывает современный либерализм. Объявляя всякую социальную и моральную ангажированность «архаичкой», он таким образом стремится расчистить место для тотальной экспансии экономических отношений, полностью утвердить диктат идеологии экономизма в жизни современного общества. Человека хотя бы вытеснить таким «экономическим животным», зомби толпы... Возможно ли это – уже не имеет смысла спрашивать. Это творится повсюду. Тревожит, что же будет в результате? Вытеснение из сферы человеческих отношений традиционных моральных норм и ценностей, которые веками были в основе образования коллективного социального опыта как живого

фактора кооперации и взаимопонимания людей, неизбежно обернется утерей социальной энергии – гуманитарной составляющей, а без нее любые социальные практики вырождаются, социальные институты – мертвоют.

Навязываемое современному миру меновое общество, отбивающее у людей охоту и способность ко всякому бескорыстию, может привести к утрате самого главного: готовности людей дарить миру плоды своего таланта, инициативного усердия, вдохновения. Это общество, формируя человеческий тип, исключительно ориентированный на индивидуалистическую «мораль успеха», рискует утратить способность к обеспечению надежной работы своих социальных институтов. Человеческий тип, ориентированный на развлечения и прожигание жизни, постоянно пребывающий в опасении что-то вложить без отдачи, передать или сделать лишнее, неизбежно окажется не способным к активному социальному действию, всякий раз требующему изрядной доли инициативы и бескорыстного усердия.

Не удивительно, что сегодня многие экономисты пишут о кризисе инвестиционно-го духа. «Инвестировать в какое-либо дело, предприятие, институт – значит авансировать свое доверие на какое-то время вперед, любить этот мир, в котором пребываешь, дарить самому и ожидать даров. Новый тип неврастенического эгоиста, постоянно опасющегося того, как бы не передать, не сделать больше, чем другие, способен только на краткосрочное инвестирование – то есть с сегодня на завтра, да и то под гарантии самой высокой прибыли. Прежний буржуазный порядок, пользующийся людьми старого закала, которых не он формировал, действовал эффективно при средней норме прибыли 3–5%. Хозяин старого типа вставал в 4 часа утра, будил домочадцев и принимался за дело, не щадя сил и времени» [4. С. 85]. Как видим, буржуазный мир сам в ужасе: куда подевались те герои Джека Лондона, которые творили подвиги хотя бы ради золота и успеха?..

Нельзя не согласиться с мыслью и о том, что «всякая общественная деятельность, всякая кооперация людей наряду с процедурами эквивалентного обмена стоимости требует бескорыстного авансированного доверия, заранее не предусмотренной инициативы, спонтанных импульсов жизни, неукротимых, как сама природа» [4. С. 87]. Иначе говоря – требует дара.

Возьмем, к примеру, «домашнюю экономику». Многие столетия женщина бескорыстно выполняла множество самых разнообразных сложных домашних обязанностей. Ни она сама, ни члены ее семьи даже не задумывались над тем, сколько бы это стоило в случае предъявления счета? Здесь имели место бескорыстие созидания, развитая способность к дарению. Долгое время не задумывалось о рыночной стоимости труда женщины и само буржуазное общество, «бесплатно» эксплуатируя авторитарно-патриархальную мораль и традиционную жертвенность тех, кто по обычаю следовал этой морали. Теперь же мы наблюдаем бунт женщин, которые все активнее требуют включить все домашние заботы и дела в систему рыночного обмена. Запад столкнулся со своего рода феноменом «кухонного дезертирства». И это не удивительно. Логика развертывания рыночных отношений неизбежно должна была привести к этому.

Идеологи феминизма, используя разные методики, подсчитали, что примерно от половины до двух третей совокупного общественного продукта (не учитываемого никакой экономической статистикой) давал вплоть до последних лет эволюции капиталистического общества бесплатный домашний труд женщин. А отсюда видно, что тотальный эквивалентно-рыночный обмен буржуазному обществу утвердить не удалось. Оно продолжало пользоваться до- и внебуржуазным социальным капиталом, сформированным в рамках традиционной цивилизации.

Что же может произойти с обществом, если этот капитал – капитал доверия и бескорыстного дара, в течение всей истории человечества

авансировавший любую профессиональную и общественную деятельность, – вообще прекратит свою работу, почует в бозе? Кто и что тогда сможет компенсировать бесценную значимость для общества этого капитала? Кто и как, например, будет тогда осуществлять функции рождения и воспитания детей? В самом ли деле можно без непредвиденных драматических последствий заменить бескорыстную семейную этику дара прагматикой меновой эквивалентности? Ведь речь идет в данном случае о модернистской (постмодернистской) попытке заменить естественное – искусственным, спонтанное – расчетливо умышленным.

ПРАВСТВЕННОЕ ДЕЗЕРТИРСТВО

Панарин А. С., который, как представляется, наиболее оригинально и полно раскрыл в своей книге «Православная цивилизация в глобальном мире» анализируемую нами проблему, писал: «Сегодня уже доказано наукой, что полноценное дублирование природы технически сконструированными агрегатами невозможно, как невозможно описание бесконечного на языке конечного. Но энергетика семейного чувства – это та же природа, таинственное космическое тело, не дающее угаснуть жизни. Можно ли это природное тело полноценно заменить системой экономического баланса, где колонки «расход» и «приход» заполняет холодная рука бухгалтера?» [4. С. 91].

Сегодня деградацию способности дарения мы наблюдаем не только у женщин-матерей, но и у представителей «третьего возраста» – пенсионеров, бабушек и дедушек. Современные пенсионеры стремятся свой обретенный досуг использовать в индивидуалистических и гедонистических целях. Отдавать свое время воспитанию внуков они уже не хотят, рассматривают такое занятие как «домашнее рабство». Туристические поездки, новые знакомства и даже сексуальная раскрепощенность – вот сегодняшние мотивы поведения многих. Возможно, этот феномен массового нравственного дезертирства был бы не столь трагичен по своим социальным последствиям, если бы он ограничивался только домашней экономикой. Сегодня, однако, обнаружилось немало симптомов того, что масштабный процесс бесстыдного эгоизма в полной мере захлестнул и саму индустриальную экономику. Индустриальное общество добывало свой «человеческий материал» из недр совсем

другого источника – деревенской (крестьянской) космоцентрической культуры. Теперь тот активный субъект западноевропейской индустриализации, в прошлом выходец из деревни, несший в себе колоссальный заряд энергии и нерастраченной силы, питавший промышленность и другие виды деятельности, уступил в основном место новому социальному типу – усредненному продукту городской массовой культуры. Этот новый тип человека – дитя общества потребления («цивилизации досуга») – охвачен ныне широко распространенной в богатых странах болезнью, которую социологи назвали «аномией». Ее значение близко медицинскому термину «анемия» – малокровие и безволие» [5. С. 197]. Дефицит энергии – главная характеристика этого типа.

При ближайшем рассмотрении обнаруживается, что вся технбюрократическая система капиталистического общества в течение более двух с половиной веков работала на угасание, на укрощение природного эроса, всякой спонтанной пассионарности бывших крестьян, все еще несущих в себе архетипы народного сознания. «И вот когда эта затея наконец-таки удалась, «евнухи индустриализма» вдруг обнаружили, что промышленная система утратила самое дефицитное – питающую ее человеческую энергию. По мере того как «внутренний варвар» – народный крестьянский тип – укрощался, обретая технбюрократическое законопослушание, изнанкой которого является глухое безразличие к собственному труду и ко всему на свете, темпы промышленного роста стали падать, а производство все больше обретало черты фабрики суррогатов – заменителей – в широком смысле слова. Становилось ясно, что одно дело – промышленная сублимация природного этноса, что и наблюдалось в первом-втором поколениях индустриальной эры, другое – кастрация этого эроса, иссякание космического огня в иссушенной душе «полностью адаптированного» человека организации» [4. С. 97].

В итоге выявилось, что вполне натурализованные горожане третьего и последующих поколений, вооруженные соответствующими знаниями и квалификацией, вдруг оказались дезадаптированными, превратились во внутренне глухих и пресыщенных, чувствующих отвращение к любой, требующей усердия и усилий работе. Словом, техническая цивилизация, столь настойчиво и последовательно

...Масштабный процесс бесстыдного эгоизма в полной мере захлестнул и саму индустриальную экономику.

добивавшаяся от вчерашних крестьян законченного машиноподобия, достигла наконец своей цели, но при этом стала испытывать конвульсии, застопориваться в своем развитии.

Вот почему западная цивилизация вынуждена теперь во все возрастающих масштабах импортировать из «отставших» стран промышленную рабочую силу и творческий интеллект. «Судя по многим признакам, сегодня на наших глазах заканчивается история цивилизации как история спонтанного и бескорыстного дарения. Сцену занимает человек, более не способный к дарению, готовый давать только то, что заранее оговорено и оплачено. Этот новый антропологический тип начисто лишен спонтанности; любую активность и ангажированность, любые свои социальные роли он предваряет вопросом: а что и сколько я буду за это иметь?»

Он перестает рожать детей, потому что ему не вполне ясны меновые перспективы этих демографических инвестиций. Его первая попытка состояла в том, чтобы переложить родительские тяготы на тех, кто еще сохранил архаичную способность дарения, – на представителей «третьего возраста». Но по мере того, как последние в свою очередь осваивают меновой тип мышления, ничего не дающего даром, демографическое производство оказывается растущим числом людей в качестве архаичной сферы, ускользающей от законов эквивалентного обмена. Повисает в воздухе и вся система образования, унаследованная от эпохи Просвещения. Дело в том, что лишь отдельные сегменты ее, способные давать быструю практическую отдачу, сохраняют смысл для людей, глухих к внеэкономическим импульсам, к зову природному и культурному» [4. С. 108–109].

И действительно, в соответствии с неолиберальной практикой (особенно в ее российском варианте) во многих сферах общественного производства сокращается все, что не сулит немедленной окупаемости и выходит за рамки забот о прибыльности. Отсюда обвальная «секвестр» науки, образования, наукоемких производств. Так, фундаментальная наука не может быть оправдана по критериям рыночной рентабельности, потому по ней наносится целенаправленный удар. Мишенью рынка оказались, вопреки первоначальным ожиданиям, не носители примитива и рутины, а в первую очередь носители наиболее рафинированных и перспективных видов

опыта, которые в силу своей сложности почти невозможно перевести на бухгалтерский язык. Если по критериям прогресса именно накопление общих знаний универсальной стратегии служит залогом долгосрочной стратегии научно-технического и экономического успеха, то по критериям жестокого рынка все это мешает получить большую и скорую прибыль.

Рыночные заправилы, пытающиеся сэкономить на общем образовании и как можно раньше отправить молодежь в «работающую экономику», ведут себя разрушительно по отношению к исторической перспективе развития общества. В этом отношении ушедшая советская эпоха выглядит прямо-таки роскошно: при ней общество великодушно содержало те группы и виды практик, у которых не было какого-либо оправдания по критериям немедленной практической пользы и отдачи, но которые символизировали деятельность на перспективу. Такого поворота событий никто не предполагал.

«Западному обществу, – справедливо отмечал А. С. Панарин, – еще предстоит задуматься над последствиями своей «окончательной победы» над спонтанностью и ее носителями – людьми пассионарного типа, несущими «свет далеких звезд»... Целиком нормализованное общество уже не знает спонтанных проявлений человеческой энергии – все должно быть заранее организовано, инвестировано, оплачено. А поскольку организация и инвестирование всегда запаздывают, то хаос неизменно идет впереди этой системы, всюду на шаг опережая ее. С этим запаздыванием организующего и инвестирующего разума можно было как-то мириться в прежние времена, когда ошибки технической цивилизации еще не носили планетарного масштаба и не порождали грозных глобальных проблем.

Но сегодня это прямо грозит банкротством всей исторической эпопеи человечества, самонадеянно подменившего спонтанное рациональным. Требуется какая-то принципиально новая стратегия, связанная с пробуждением сил спонтанного и их реабилитацией. Сегодня главная проблема цивилизации – это иссякание источников стихийной человеческой энергии, связанной с механизмами дарения» [4. С. 114].

Исходя из сказанного, весьма странным представляется стремление огромной массы исследователей рассматривать характерную для

НАША СПРАВКА

ПАНАРИН

Александр Сергеевич. Окончил филос. ф-т МГУ (1966). Доктор филос. наук (1991), профессор. Зав. сектором истории философии Ин-та философии РАН (с 1994), зав. кафедрой политологии МГУ (с 1996). Является автором монографий: Социально-психологические проблемы управления; Философия власти; Россия: опыт национально-государственной идеологии; Введение в политологию; Политическая антропология; «Вторая Европа» или «Третий Рим»?; Философия политики; Российская интеллигенция в мировых войнах и революциях XX века; Россия в циклах мировой истории; Глобальное политическое прогнозирование; Искусшение глобализмом и др.

Работы Панарина изданы в Германии, Польше, США, Франции, Югославии.

...Западноєвропейская цивилизация, основанная на идеологии неограниченной потребительской психологии, сама вступает в кризисное состояние, навязывая всему человечеству бесперспективный, тупиковый путь...

западноєвропейской цивилизации (разумеется, включая США) парадигму развития как магистральный путь всего человечества. Впрочем, опыт свидетельствует, что евроцентризм – трудноизлечимая болезнь мирового обществознания. Корни этой болезни – в зависти к материальному благополучию Запада, в «религии прогресса», в закрывании глаз на видение иных перспектив и горизонтов бытия. И это происходит в период глобального экологического кризиса, когда уже без особой исследовательской интуиции становится очевидным, что западноєвропейская цивилизация, основанная на идеологии неограниченной потребительской психологии, сама вступает в кризисное состояние, навязывая всему человечеству бесперспективный, тупиковый путь...

НОВОЕ ВАРВАРСТВО ИЛИ КУЛЬТУРА?

Парадоксально, но современный мир, похоже, вступает в полосу беспорядка, в ситуацию нарастающих рисков и новой хаотизации. Ввиду того, что глобализация неолиберального капитализма несет с собой подчинения большинства меньшинству, она ведет тем самым к неизбежным конфликтам – локальным, региональным, даже планетарным, привносит в международные отношения потенциальное «структурное насилие» (И. Галтунг). Этот мировой порядок сегодня все чаще называют «новым мировым беспорядком». Все это, к сожалению, позволяет говорить о патологизации современности. Сейчас исследователи с нарастающей тревогой заговорили даже об экспансии нового вар-

варства, неоварваризации. Так, К. С. Гаджиев утверждает, что мы становимся свидетелями пришествия варвара в новой ипостаси, в ипостаси нового цивилизационного варварства. Если в прежние времена варвары приходили с отсталой периферии цивилизационного мира (как было в Римской империи), то сегодня одним из магистральных направлений развития мира «является движение цивилизованного варварства (или нового варварства) с Запада на Восток» [6. С. 15].

И. Джохадзе пишет, что «эволюция социального характера буржуазного homo civilis, выражающаяся в инверсии таких специфически модернистских качеств субъекта, как лобознательность, целеустремленность и здоровый скептицизм, в постмодернистскую всеядность, рассеянность внимания и равнодушие, отражает, по всей видимости, тенденцию общей дегенерации культуры и планомерной трансформации «современного» (либерально-демократического) общества в общество «постсовременное» (тоталитарно-демократическое)» [7. С. 167]. За сухими строками аналитиков – печальная действительность и деградация, которая должна вызывать тревогу у каждого здравомыслящего человека...

Впрочем, некоторые авторы не только предсказывают скорые вселенские потрясения, но и рассматривают их как весьма желательные и полезные. Например, известные российские исследователи В. И. Пантин и В. В. Лапкин, базируясь на различных циклически-волновых моделях развития общества, не просто предсказывают в период с 2009 по 2017 год глобальные финансовые,

экономические, политические и военные конфликты на межцивилизационной или межэтнической основе, способные поставить под вопрос дальнейшее развитие человечества, но и считают эти грядущие потрясения необходимыми для изменения нынешней тушковой модели цивилизационного развития.

С их точки зрения, только потрясения «способны разрушить или перестроить глобальные монополии, ставшие тормозом на пути дальнейшего социального и культурного развития, а также тесно связанную с ними олигархию (власть немногих) и систему манипулирования массовым сознанием через использование СМИ и информационных технологий» [8. С. 435–436]. «Без великих потрясений, – пишут далее авторы, – по-видимому, невозможно вывести большинство людей из состояния умственной спячки, апатии и нравственного разложения, заставить их мыслить и действовать во имя собственного спасения» [8. С. 436].

Но мы перечисляем тревоги аналитиков на Востоке... Однако сам Запад, являясь наиболее успешным игроком на современном геополитическом и торгово-рыночном поле (в том числе победитель в холодной войне), не стремится и не способен на прорыв к новым горизонтам бытия, к иному будущему.

Запад нечувствителен к духовным проблемам современности в силу своей комфортной укорененности в настоящем. Его устраивает существующее положение вещей. Настоящее – сфера его торжества и успеха. Поэтому инициаторами нового цивилизационного поворота могут стать только те народы, которые еще не до конца развращены инструментально-потребительской, искусственно-технической цивилизацией, сохранившие элементы органической жизни и обладающие мощным ценностно-духовным потенциалом, устойчивыми и достаточно развитыми культурами. Только мощные народы на нынешней развилке исторических путей могут противостоять вирусу потребительства, ориентациям на иждивенчески-паразитарный образ жизни и мобилизоваться для творческой альтернативы безумству мира сего, для утверждения ценностей духовно-экологической цивилизации. Этим народам бесполезно соревноваться с Западом на рыночно-конкурентном поле – они, и вместе с ними все человечество, здесь проигрывают.

Задача нравственно высоких элит – отказаться от имитационного пути исторического движения и предложить принципиально новую модель социокультурного развития.

Сегодня может получиться так, что технически и экономически неимущие смогут утвердить себя в качестве духовно имущих – тех, кому есть что сказать миру, испытывающему настоятельную потребность в новом сознании и новых формах социального бытия.

В заключение сформулируем следующий вопрос: не ставим ли мы слишком пессимистический диагноз ситуации? Может быть, мы в «этом лучшем из миров» рисуем сверхмеры мрачную, трагически апокалиптическую картину? Думается, что нет. Диагноз основан не столько на знании действительно опасных тенденций нашего времени, «хищных вещей века», с чем можно было бы как-то бороться, сколько на понимании другой, более страшной в данной ситуации проблемы – отсутствия осознания обществом грядущей ему опасности, необходимости реальных действий, чтобы дать ответ на жесткие вызовы современности, в частности на зов биосферы о ее спасении.

Трагизм ситуации заключается в том, что «религия прогресса», сформировавшаяся у подавляющего большинства людей, хищное прогрессистское сознание превратились в XX веке в тоталитарную идеологию с целым набором своих непререкаемых понятий-символов – «экономический рост», «экономическая эффективность», «ускоренное развитие», «коэффициент полезного действия» и т. д., которые ослепили человечество, не давая ему возможности видеть реальность такой, какая она есть на самом деле. В результате человечество все чаще демонстрирует неспособность не только принять, но и понять вызовы сегодняшнего дня.

Вот почему пришло время ставить, подобно первым христианам, вопрос о спасении мира, будить людей, чтобы они проснулись раньше того времени, когда ситуация станет определенно необратимой, стучаться в запертую дверь, пока она не откроется. Не ради славы и успеха, а ради будущего мира...

Литература

1. Панарин А.С. Искушение глобализмом. М., 2000.
2. Чешков М.А. Глобализация: контуры рыночной концепции // Проблема глобализации: реальность, тенденции, прогнозы. Материалы семинара «Глобальный мир». Вып. 6. М., 2001.
3. Козин Н.Г. Есть ли будущее у Запада? // Свободная мысль. 2005. № 4.
4. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002.
5. Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. М., 1999.
6. Гаджиев К.С. Масса. Миф. Государство // Вопросы философии. 2006. № 6.
7. Джохадзе И. Массовое общество и демократический тоталитаризм: свобода без выбора // Логос, 2005. № 6.
8. Пантин В.И., Лапкин В.В. Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития. М., 2006.